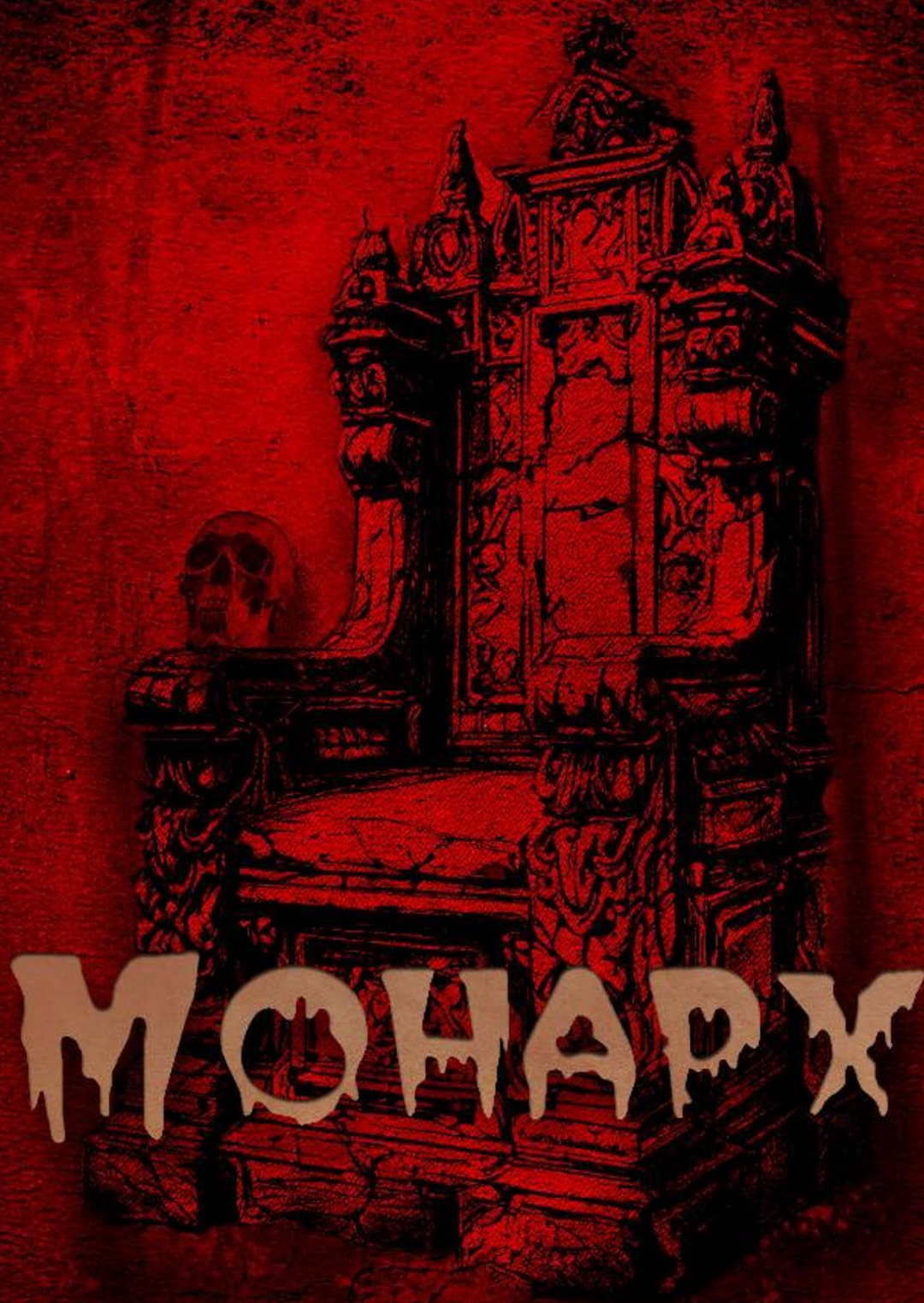

Как в старых сказках
Эпоха 4: Нас ждут из темноты

МОНАРХ

Денис
Анютюк

18+

Денис АНТОНЮК

Монарх

«Автор»

2026

Антонюк Д.

Монарх / Д. Антонюк — «Автор», 2026

Конец XIX века. Глухая тайга. Деревня Лунница живёт по старым обычаям. Два года назад нечисть едва не погубила её, но Абель первым бросил вызов. Нечисть сожгли дотла. Люди поверили: худшее позади. «Но, как в старых сказках часто случается, прекрасное вдруг обрывается». Случайная встреча в лесу запускает цепь событий. Наступит ночь, когда платить придётся всем. «Монарх» — о цене спасения: как далеко можно зайти, чтобы уберечь тех, кто дорог, и останется ли в тебе человеческое в ночь расплаты.

© Антонюк Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дисклеймер	5
Я бессмертная, а ты мой Вечный	7
Глава 1. Охота в лесах Голда	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Денис Антонюк

Монарх

Дисклеймер

Внимание!

Эта книга содержит сцены насилия, жестокости, смерти близких и тяжелых психологических травм. В тексте присутствуют описания физического и эмоционального насилия над подростками, а также сцены самопожертвования.

Автор не романтизирует насилие, а использует его как неотъемлемую часть мрачного мира и для раскрытия характеров героев. Если вы чувствительны к подобным темам, пожалуйста, читайте с осторожностью.

Эта история — о боли, любви и цене выбора. Она не для всех, но для тех, кто готов заглянуть в темноту.

Историческая справка

Автор не претендует на историческую или этнографическую достоверность. Все боже-ства, мифологические существа, обряды и верования в этом мире являются художественным вымыслом, основанным на фольклорных мотивах, но не являющимся их точной реконструкцией.

Все персонажи, события и географические названия являются вымышленными. Любые совпадения с реальными историческими личностями, событиями или местами случайны.

Секреты хижины — распахнуть двери перед самой тёмной ночью.

Я бессмертная, а ты мой Вечный

«Мы были избраны из прочих, впрочем, мы уже никогда не станем невинными, как в прошлом».

Давно это было. Мир сковал лёд, лето приходило ненадолго — перебежчиком меж долгих зим. В самой глухой таёжной чаще родилась земля Голда. Дышала она хвоей, смолой и старыми заветами. Не духом была пропитана — дыханием. Дыханием обычаев, что помнили деды. Верой в богов, что прятались в шуме ветра и треске сучьев. Клятвами на крови. Обрядами, от которых стыла кровь в жилах.

Первыми сюда пришли люди из рода «чуди белоглазой» — так в старину называли загадочный народ, ушедший, по преданиям, под землю или в самые глухие леса, не желая принимать новую веру. Рождённые в шуме тайги, они не цивилизации боялись. Они сторонились железного скрежета чужих колесниц и проповедников в чёрных рясах. Кресты тех проповедников резали глаза, как осколки льда. Чудь жила в ладу с лесом и водой. Почитала Перуна — бога грома и молний, — и Стрибога — повелителя ветров, что шелестит в травах и качает вершины деревьев. Знания хранила в памяти — глубокой, как омут.

Голда стала не маяком. Она стала последним острогом на краю мира. Каменной грудой, что прикрыла от стужи перемен.

Современном три поселения выросли вдоль реки Голада.

На севере, на берегу Белого моря у Студёного моря, — встала деревня Бухта Путевых-Звёзд. Последний причал для душ, что отрунули иго. Избы рубили из кондовой сосны — крепкой, смолистой, веками стоявшей. Крыши крыли тёсом — почерневшим от дождей и времени. Мужики носили грубые свитки из льна, подпоясанные кожаными ремнями с медными пряжками-оберегами. Женщины — длинные рубахи до пят, расшитые красно-чёрной вышивкой. Добычу ворвани — китового жира, что шёл на светильники и пропитку снастей. Воняло от неё и смертью, и жизнью разом. А по ночам повествовала о мирах Навь и Явь — мире мёртвых и мире живых.

Звезда стала узелком на жильной нити для мореходов. Те искали путь к легендарной Гиперборее — северной стране, где, по преданиям, жили блаженные люди, не знающие болезней и войн. Или смерть в пасти ледяного шторма.

Ниже по течению реки Голада, на юг, притулилось ещё одно поселение. Среди чернозёмных полей, словно выросло из костей село. Сулило богатые урожаи, но не давало гарантий.

Судьба обошлась с ней жестоко: одну часть стёр лихой набег, другую выжгли дотла. Прошли десятилетия. Новые души осмелились вернуться на проклятые пажити. Вгрызлись в землю. Вспороли плугами могильные холмы предшественников. И назвали возрождённое пепелище Искрой — огонёк в стогу сена, готовый вспыхнуть в любой миг, но тем ярче горевший в крошечной тьме.

Ниже по течению реки стояли леса — глухие, непролазные. В таких и в полдень темно.

Там возникло ещё одно поселение. Жили в нём мужики крепкие, молчаливые, в посконных портах и лаптях. Добывали пропитание охотой. Выламывали камень из земли. Рубили лес. Назвали место «Новолуния».

В ночь на Купалу — в праздник летнего солнцестояния, когда сам воздух, по поверьям, напитывается нечистой силой, — пришёл человек. Таинственный. Местные прозвали его «Он говорит».

Речи его были сладки, как мёд, но скрывали горькую правду. Он обещал: «Воздух, которого вы прежде не знали. Цвет жизни, неведомый вам. Звуки — как симфония детского хора. Вы почувствуете, как за спиной прорастают крылья. Они поднимут вас к самому солнцу. Мир ляжет перед вами, как на ладони, вечную жизнь в Ирий-саду».

Требовал он немного. Любовь. Веру. Несколько слезинок. Каплю крови.
Жители ослепли от сладкой лжи. Поверили.

Деревня погрузилась в мрак обрядов. Проводили их в старом загоне для скота, при свете чадающих факелов. «Мы скрепили договор кровью, — шептали потом люди, бредя по улицам с пустыми глазами. — Кровь капала на замшелый камень. Мы купили себе путь в бездну».

С каждым днём вера угасала — как огонёк свечи на ветру. Вместо обещанного Ирия они погружались во тьму. Всё глубже. Мужчины были бессильны. Женщины умирали.

«Мы хотели большего, — шептали они. — Наши чувства запутались. Мы поплатились сердцами — теперь они стучат, как разбитые горшки. И слезами — краснее самой закатной зари».

После того как «Он говорит» был разорван в собственном доме, в поселении появилось нечто зловещее. Оно не имело облика, но его присутствие ощущалось как утренний туман — невидимое, но осязаемое, словно холод стали. Это существо охотилось бесшумно, оставляя следов собственных жертв — скота в стойлах и сторожевого пса и людей. На стене одной из изб остались кровавые подтёки и следы когтей.

Люди шептались: «Лихо одноглазое» — злой дух, приносящий беды и мор, — пришло за своей данью. Или лесной дух, оскорблённый осквернением священных рощ. Никто не знал наверняка. Знали только одно: от невидимого зверя не спрятаться. Оставлял после себя не битву — бойню.

Оставшиеся в живых — с глазами, полными животного ужаса, — воздевали руки к небу. Взывали к старым богам. «Мы не там, где должны быть. О, боги, простите нас!» — лепетали они, забившись в тёмные углы. Их дома теперь пахли страхом и смертью.

В ночь 1859 года у короткого частокола появились новые люди. Сотня — не больше, не меньше. Во главе — Аскольд Минор. С секирой на поясе. Со взглядом, привыкшим к дальним дорогам.

Аскольд Минор пообещал истребить зверя. В обмен — право поселиться в их деревне.

Старейшина смотрел на пришельцев. Лицо его было изрезано морщинами — как высохшее русло реки. В глазах — глухая, щемящая опаска. Один раз он уже впустил чужака. Тот принёс им морок и погибель.

Теперь старейшина стоял перед выбором. От него зависело — останется ли его народ хоть в ком-то жив или станет лишь призрачной былью.

Сердце его, будто два тёплых камня в руках ведуна, готово было треснуть от тяжести. Он знал: любое его слово обречёт кого-то на смерть. Но в конце концов он распахнул ворота. Судьбу свою и своего народа он отдавал на волю чужих рук.

Новые люди устроили «Большую охоту». Выжигали чащи, где могло таиться нечистое. Предавали огню всё, что шевелилось во тьме и не было похоже на человека.

Пепел от костров — пахнувший горелым мясом и хвоей — принёс деревне хрупкий мир. Мрачные дни отступили.

Старейшина — уже почти не встающий с кровати — позволил себе поверить в иную жизнь. Тяжкий камень страха свалился с души. На последнем вздохе он прошептал сухими губами:

— Теперь... мы на своём месте. Боги... примите...

С тех пор деревня, некогда звавшаяся Новолуния, обрела имя Лунница.

Аскольд — муж с волей стали и ясным умом — не просто восстановил дома. Он вдохнул в мёртвое место жизнь. Наладил торговые пути. Обменивал лесную дань на хлеб, соль и железо. Серый, мрачный уголок преобразился. Стал цветущим оазисом.

Но как в старых сказках часто случается — прекрасное вдруг обрывается.

Вспыхнет в груди её пламя ясное — зов вечности, что страстно разгорается.

Судьба начертала путь неизбежный, — станет она частью мира его безбрежного.

И здесь, на этой земле, в этот час роковой, угаснут мечты, как огонь над рекой.

Она возвращалась — взыскать своё: то, что отняли у неё во тьме времён. Она — дитя изначальной тьмы, рождённая злым несчастьем. Принцесса миров, чьё сердце принадлежит холодному царству.

Из иного мироздания она явится. Она зла и опасна. Ищет свою слабость. Скитается по эпохам, собирает разбросанные осколки любви.

Молись, чтобы в тебе не оказалось этих осколков. Молись, чтобы она не нашла тебя.

Услышит твой шёпот отчаяния — и плащ скорби окутает тебя. Она заберёт часть твоей души. Огонь в груди угаснет, жар тела остынет, кровь замёрзнет, а сердце обратится в камень — как её собственное.

— Громовой раскат разорвал мёртвую тишь, — шепчет незнакомка. — Сокрушил оковы, что держали мою душу в ледяном плену. Сердце, застывшее комом льда, дрогнуло и забилося в такт твоим шагам. Твой образ — мне наказание. Твой образ — мне спасение. Мой разум принадлежит тебе навеки. Я найду тебя, где бы ты ни был. Отыщу твоё пристанище и освобожу из рук отчаяния. Я доведу тебя до края безнадёжности, я — та, кто привела тебя сюда. И я дам тебе шанс — ты обретёшь силу, с ней примешь решение и удержишься от падения. Дай мне повод, укажи своим невинным пальцем на обидчика — и ты увидишь у своих ног бездыханного бога. Твой страх не только мешает тебе — он лишает воли, делает уязвимым. Остановись. Успокойся. Охвати всё взглядом. Обернись и встреться лицом к лицу со своим безымянным спасителем. В моей груди найдёшь спасение от блеклой судьбы. В моём убежище — надежду. В отражении моих глаз поймёшь своё предназначение. Я слишком равнодушна к тебе — возвысь же свою добродетель предо мной. Ты можешь сражаться, но не сможешь оставить меня — у тебя слишком хрупкая душа. Я поглощу тебя полностью. Ты невинен, а я есть зло. Верь мне. Не колебись. Моё имя — бессмертие. Моя любовь к тебе — вечна. Мой голос верен тебе, а облик оцепенел от любви. Мои слёзы о тебе неизбежны, и моя душа для тебя нетленна.

1876 год.

Лес за околицей Лунницы — дремучий, хмурый, настороженный. Луна светила холодно, бездушно — мёртвым глазом.

Обнажённый по пояс юноша бежал. Спотыкался о корни, содрогался от боли — телесной, что жгла спину, и той, что жила глубже, под рёбрами.

Он бежал от гнева. От памяти. От раскалённого узора, выжженного на спине железом и ненавистью. От запаха собственной горелой плоти — сладковатого, тошнотворного. Он мешался с хвоей, с сырой землёй, с ночной прохладой — и не отпускал.

Нога подкосилась — и он полетел кубарем вниз, царапая тело о камни и сучья. Новых ран не чувствовал — старые горели сильнее. Летел прямо к чёрной, пенящейся воде, что текла холодно и равнодушно.

Слёзы смешались с грязью и кровью на исхудавшем лице. Под изумрудными глазами — слишком яркими для такого страдания — залегли не синяки. Фиолетовые тени. Тени смертельной усталости — той, что не проходит ни после сна, ни после забвения.

Дрожащими, испачканными в глине руками он тёр кожу. Пытался стереть липкую, темнеющую кровь. Она сочилась из свежих ран и старых — все болели одинаково.

— Следуй за мной, — прошептал женский голос из самой глубины ночи. — Туда, где светлячки танцуют в безмолвной мгле. Где в сердце нашем зазвучит нежный шум. Он выведет нас из тьмы. И мы узрим Маяк любви — тот, что не гаснет, даже когда весь мир вокруг рассыпается в пепел.

Голос таял. Эхо уходило в землю, в траву, в корни — но оставалось под кожей.

И тут — рык. Низкий, грудной, звериный. Совсем рядом.

Юноша обернулся. Сердце ударило в рёбра — как затвор темницы, захлопнувшийся навсегда.

Волки. Стая. Тощие, с всклокоченной шерстью, с глазами, горящими не просто голодом — древней, беспамятной злобой. Они сомкнули кольцо. Не спеша. Уверенные в добыче.

Он нащупал под рукой сук. Тяжёлый. Узловатый. Палка против клыков — смех, а не оружие. Но он вцепился в неё. Сжал так, что костяшки побелели, а ладони взмокли от страха и отчаяния.

— Если бы не брат... — выдохнул он. Голос звучал не дрожью — хриплой, надорванной яростью. Яростью загнанного зверя, у которого отняли всё, кроме права умереть стоя. — Если бы не его глаза... полные веры, что я вернусь... я бы лёг здесь. Прямо на эту холодную землю. Отдал бы вам свою плоть, каждую её часть, без сожаления. Я бы преклонил колено, о лесные владыки, если бы ваша цена — всего лишь моя жизнь, а не его слёзы.

Из тьмы — из самой её глубины, где не светит даже луна — раздался голос.

— О, как же прекрасно лежит на тебе эта броня из добродетели.

Голос был звонким — удар стекла о лёд. И добрым — удар ножа в спину. В нём слышалось и восхищение, и насмешка, и что-то ещё, чему нет названия.

Волки замерли. Ярость в их глазах угасла, сменилась страхом — древним, животным, тем, что сильнее голода. Они попятились, не сводя с него взгляда. Растворились в чаще — бесшумно, призраками, дымом, который рассеивает ветер.

— Ах, юноша... — тот же голос, но теперь с лёгкой, ядовитой усмешкой, от которой по спине бегут мурашки. — Ты и впрямь пылаешь. Весь — свеча на ветру. Брось эту щепку. Не стоит идти против бури с веткой в руках. Я тебе не враг. По крайней мере — не сегодня.

Юноша резко повертел головой, вглядываясь в темноту. Пальцы всё ещё сжимали сук — до хруста, до боли.

— Кто здесь? — выдохнул он. Голос сорвался, упал до шёпота.

— Я — твой попутный ветер. — Мягко. Властно. Без тени сомнения. — Я всегда дую в твои паруса. Даже когда ты не чувствуешь моего дыхания. Даже когда ты думаешь, что совсем один.

— И я должен тебе верить? — горько усмехнулся он. В этой усмешке было всё — и боль, и недоверие, и усталость.

— Разве у тебя есть выбор в этой ночи?

В пяти метрах от него — ниоткуда, из пустоты — вспыхнули два огонька. Золотистых, тёплых, но не греющих. Отражение далёкого костра в чьих-то глазах.

Из тени плавно, бесшумно, самой ночью выступила волчица. Крупная. Чёрная, как смола. Глаза — янтарь, горящий изнутри.

— Ты... — горло юноши сжалось, и он не мог пошевелиться. Не страх — изумление. Первобытное, древнее — то, что испытывал первый человек, увидевший огонь.

— Да, я. Глаза твои не лгут. Не пытайся понять — чувствуй. Слова сейчас — лишь помеха. Они всегда помеха, когда правда слишком велика.

Волчица вытянулась в струну, контуры её тела задрожали — как воздух над раскалёнными камнями, как маревы в летний полдень.

Тёмный мех начал стягиваться к спине, собираясь в тугую жгут. Чёрная шерсть перетекла, переплеталась, уплотнялась — и на глазах превращалась в длинную, тяжёлую косу. Она росла, падая ниже пояса, гладкая и блестящая, как вороново крыло.

А тело под ней менялось. Мех истаял, обнажая длинное платье цвета слоновой кости — тёплое, матовое, почти невесомое. По подолу и вороту шла красная вышивка: узоры, похожие на языки пламени, на кровь, на древние руны. Платье не скрывало её — оно подчинялось ей, облекая хрупкие плечи, падая до самых ступней.

Силуэт замерцал, перетекая, утончаясь, становясь человеческим.

Через мгновение — одно долгое, тягучее мгновение — перед ним стояла девушка.

Юная. Как он, лет шестнадцати. Коса цвета воронова крыла — длинная, тяжёлая, ниже пояса. Глаза карие, глубокие, с искрами, которых не бывает у обычных людей. Слишком мудрые для её лет. Слишком древние для этого леса. Для этого мира.

Она смотрела на него. В её взгляде было всё. Обещание — первый снег, чистый и холодный. Угроза — трещина на льду, что растёт под ногами.

— Кто ты? — спросил он. Тише, чем хотел. Не в силах отвести взгляд.

Она не ответила сразу — только шагнула вперёд. Босая. Бесшумная.

— Откуда в твоих зелёных глазах столько боли? — мягко. Неумолимо. — Столько боли в том, кто уже должен был окаменеть?

Его сердце сжалось, а на спине — вспышка. Старое железо, раскалённое добела. Узоры, выжженные на память. Плоть плавится, дымится, пахнет горелым. Кровь течёт — тёплая, липкая, живая. И сейчас — снова. Всё снова.

— Потому что мне больно.

Голос дрогнул — лист на ветру. Но взгляд не дрогнул. Никогда.

— И каково это? — её вопрос обернулся в шёлк, но под шёлком — лезвие. Острое, холодное, нетерпеливое.

— Как раскалённый прут, который вонзают снова и снова. Память, которая не отпускает. Боль не может быть иной. Она не знает других имён.

— Опиши её. Дай мне её услышать. Дай мне почувствовать то, что ты носишь в себе каждую ночь.

— Здесь нечего описывать! — вырвалось у него криком, который тут же сломался, упал, превратился в шёпот.

— Открой! — её голос ударил. Плеть. Молния, что не жжёт тело — жжёт душу. — Мне! Свои! Мысли!

Он вздрогнул. Тело перестало слушаться. Невидимая сила сковала его — туго, верёвками, корнями, самой судьбой.

— Их множество... — слова потекли сами, помимо воли. Кровь из свежей раны. — И они так глубоки, что даже время не в силах их исцелить. Время только сыплет соль. Если бы я мог — я бы избавился от этой боли. Я бы вырвал её с корнем. Но я не успеваю. Новые приходят раньше, чем старые успевают зажить.

Он не понимал: почему не может солгать? Почему язык слушается её, а не его? Кто она — чтобы вытягивать из него слова, как червяка из раковины, как душу из тела?

Она растревляла его раны. Намеренно. Жестоко. Чтобы боль, высказанная вслух, обрела над ним власть. Ещё большую. Ещё более страшную.

— И что ты собираешься с этим делать? — голос холоден. Непреклонен.

— Что я могу? Бежать? Очерстветь? Забыться? Чем унять эту боль?

— Ты не бежишь до конца. Ты — прилив. Возвращаешься к своему берегу страданий. Снова и снова. Всё ближе. Всё больнее.

— Я возвращаюсь к младшему брату! — злость. Отчаянная, хрипая, надорванная. — Кем бы ты ни была — духом, видением, мороком, — зачем ты явилась? Чтобы мучить меня? Чтобы смотреть, как я истекаю кровью?

— О нет. Конечно нет. Прилив тоже приносит меня обратно. Видишь? Как легко быть открытым с человеком. Как просто сказать правду, когда уже нечего терять.

— А человек ли ты?

— Меня звали по-разному. «Чому йому не пити, коли його доля не спить». Всё зависит от того, во что ты веришь. В ангела? В зирку? В роженицу? В долю? В фольгу?

— А если я ни во что не верю?

— О, ты уязвим. Ты не можешь не верить, когда находишься в таком месте. В такую ночь. В такой пустоте. Не так ли?

Юноша замолчал. Слова застревали в горле — колючие, горькие, бессильные. Она знала слишком много. Слишком. Это пугало его — до глубины, до костей.

— Как долго я не ступала по этой земле! — воскликнула она, воспользовалась тишиной, окинула взором спящую чащобу. — Как истомила меня память об этом месте! Здесь, в дебрях этого леса, я когда-то повстречала его. И с тех пор в моей груди — вечная метель. Никогда не думала, что судьба приведёт меня сюда вновь. Никогда не думала, что круг замкнётся там же, где начал свой бег.

— Кого? — спросил он, невольно отступив под её взглядом.

— Любовь, — ответила она. — Ту, что жётся более раскалённого железа на спине.

Она смотрела на него пристально — птица-вещунья, видящая судьбу в чертах лица.

— Каждый раз видеть его — необычно. Я словно встречаю его впервые. Словно вскрываешь старую рану и удивляешься: кровь всё ещё алая.

— И что с ним стало?

— Хе-хе, — она усмехнулась, вспоминая прошлое. — Он стал холодным — зимний камень. Жестоким — голодный зверь. Всемогушим. И стёр моё имя из своей памяти. Как стирают письмо с восковой доски — гладко, чисто, до пустоты.

— Раньше я тебя здесь не видел, — выдохнул юноша. По спине бежали мурашки.

Такую не забывают. Она остаётся под кожей навсегда — заноза, которую не вытащить, осколок. Похожа на сон, что снится раз в жизни. Просыпаешься — и понимаешь: потерял что-то важное.

Её фигура притягивала взгляд — не просто красотой, а тревожностью, почти пугающей безупречностью. Она стояла прямо, но в этой прямоте чувствовалась не расслабленность — готовность. Хищник перед прыжком. Босые ступни едва касались земли — будто она могла взлететь в любой миг.

Изошрённая талия подчёркивала ломкость силуэта. Руки безвольно замерли вдоль тела. Пальцы тонкие, восковые — свечи, что вот-вот оплывут. Сквозь кожу на запястьях просвечивают сизые нити вен — как у утопленницы, которую достали из воды, но не отогрели. Плечи угловатые, ключицы проступают сквозь кожу. Только шея — изящная, но гордая — держит голову как корону. За которую, наверное, уплачено кровью.

Чёрная, тяжёлая коса спускалась ниже пояса, почти до колен. Лежала на плече — словно змея спит, но готова проснуться, броситься, ужалить.

Слишком правильные черты. Она вся выплавлена из чьей-то души с нечеловеческим терпением. Так вымеряют богиню — в каждой черте, в каждом изгибе, — зная: за такую красоту убивают. За такую красоту умирают. Слишком гладкая кожа — боль никогда не смела к ней прикоснуться, время боялось оставить след. Будто она родилась вчера — или тысячу лет назад, и ей всё равно. Она будет такой всегда. И это пугало больше всего.

Скулы остры — горные пики. Подбородок — остриё кинжала, который знает вкус плоти. Нос маленький, почти детский. Эта нежность казалась насмешкой — жестокой, умышленной. Коснись — и рассыплется в прах. Но никто не решался коснуться.

Брови тонкие — два крыла, сложенных перед смертельным броском. Когда она хмурилась, они почти сходились над переносицей — тучи перед бурей, лезвия ножниц, готовых перерезать нить судьбы.

Губы — полные, налитые кровью. Единственное тёплое пятно на этом ледяном лице. В их улыбке жила асимметрия — будто губы помнили чужое горе. Целовали того, кто не вернулся. И с тех пор разучились радоваться.

Глаза — два омута, где вместо воды — тьма. Дна нет. Заглянешь слишком долго — увидишь тех, кто не вернулся. Их тени плавают там, в глубине, и шепчут: «Не смотри». Взгляд

слишком глубокий для её юного лица. И слишком пуст — за ним целая жизнь, которую она не хочет вспоминать. Взгляд не злой, не голодный — знающий. Палач, который уже вынес приговор. Бог, который не обязан оправдываться.

Он не мог отвести взгляд. В её лице было что-то родное — и одновременно чужое до дрожи, до мурашек, до желания упасть на колени.

Кожа — белая, с лунной просинью. Не живая, не мёртвая — та, что бывает у статуй в заброшенных храмах.

Голос шёл из глубины — из колодца, где вода не движется, где даже эхо умирает, не родившись. В нём было высокомерие — столько, сколько бывает только у тех, кто помнит то, что люди забыли. И древняя память о том, что было до людей. Каждое слово — удар молота по наковальне: тяжело, неумолимо, навсегда. Она говорит — и мир подчиняется.

В этой красоте не было тепла, не было обещания радости. В ней была только власть. И одиночество.

И при всём этом что-то в ней было не так. Не ошибка — нет. Слишком совершенна. До тревоги. До боли. До ледяного ужаса, который поднимается из желудка и сжимает горло.

Она смотрела на юношу — но видела кого-то другого. Того, кто жил тысячи лет назад. Того, кого она искала всё это время.

Она была похожа на деву Нави — на ту, что приходит из кошмаров стариков, из сказок, которые рассказывают шёпотом, оглядываясь через плечо. Пришла не миловать — взыскивать долги.

На её груди, на потемневшем кожаном шнурке, висели три оберега.

Первый — «Всевидающее Око». Вырезано из жжёной кости. Зрачок следит за душой — куда бы ты ни пошёл, он уже там.

Второй — «Навьник». Сплетён из чёрного серебра. Шепчет о дороге в иной мир. Прислушайся — услышишь тех, кто уже перешёл.

Третий — самый стёртый. Крест, чья перекладина увенчана пустым треугольником-чашей. Знак, чьё имя забыли все, кроме неё. Стёрло время? Или стёрли намеренно — те, кто боялся его силы.

— О, милый, — её голос прозвучал приглушённо, — прошли не века — целые эпохи сменились с той поры, как я ступала по этой земле. Чуть севернее. Где когда-то теплился «Искра».

— Так кто ты? — выдохнул он. В голосе его слышалась уже не надежда — усталая покорность судьбе.

— Я — та, что держит чаши весов, — ответила она. В воздухе запахло озоном — предвестником грозы.

— Каких весов? — Холодный пот выступил у него на спине.

— Весов, на которых взвешиваются души. Где одна чаша — свет, другая — тьма. — Её глаза вспыхнули, точно угли в пепелище.

— А на какой чаше ты?

— Я — не чаша. Я — стрелка. Та, что качается между ними. — Её ответ оказался резким, словно лезвие.

— Почему ты приняла облик волчицы?

— Я являюсь в том обличье, которое отражает судьбу встречного. От гадюки на пороге до жар-птицы, что сжигает гнёзда. Ты увидел во мне волчицу — одиночку, воющую на луну. О чём это говорит?

— Что привело тебя ко мне?

— Моё желание помочь тебе. Разве ты не нуждаешься в помощи?

Юноша ощутил, как свежие шрамы на спине заныли — точно их снова тронули раскалённым железом.

— Не нужна мне твоя помощь, — выплюнул он, стиснув зубы. — Сам справлюсь!

— Милый, ты и так «справляешься» — спиной, полной рубцов. Долго ли ты продержишься, пока он не дойдёт до твоего горла? Ты же знаешь — он не остановится.

— Он начал на пустом месте, значит, может и закончить так же, — пробормотал юноша, уже не веря собственным словам.

— Все начинают с малого, глупыш, — она усмехнулась, прикрыв рот ладонью с длинными бледными пальцами. — Сладкая ложь. Но ты-то знаешь правду.

— Откуда тебе знать, что я знаю?

Он поймал её взгляд — скользящий по его телу, как холодный ветер. Она вела его к обрыву, выманивая наружу самые тёмные желания, чтобы сделать их своей приманкой.

— Мои знания глубже, чем у любого из смертных. Разве я не доказала свою силу, обернувшись зверем из твоих же страхов? — В её голосе зазвучала тонкая паутина лести. — Личина, которую ты видишь, — лишь отражение твоей души. Разве это не довод?

— Это довод бежать без оглядки, — отрезал он, отступая. — Ты — не человек. Доверять тебе — всё равно что пить из болотной лужи.

«Не укротишь бурю голыми руками — только сломаешь хребет», — промелькнуло у неё в мыслях. Вслух же она произнесла мягче, словно присыпая рану пеплом:

— Не упрямься хотя бы раз в жизни.

— Меня с детства учили: «не будешь упрямым — случится лихо», — ответил юноша.

— А ты не думал, что из-за твоего упрямства оно может случиться? — Её вопрос повис в воздухе.

Парень замешкался. В его взгляде промелькнула трещина — сомнение.

— Мне пора, — бросил он, разворачиваясь к деревне.

— Стой! — её голос вонзился в него, точно крюк. — Вам не на кого надеяться. А он не остановится. Он видит в вас проклятие своего рода, но руки не поднимает — из-за старой любви к вашей матери.

Юноша замер, будто корни проросли сквозь подошвы, и медленно, через силу, обернулся.

— Почему он видит в нас зло? — голос дрогнул, в нём слышалась не детская обида — глубокая боль.

— Потому что его собственная боль пожирает его изнутри. И теперь его слепое упрямство станет петлёй на ваших шеях, — ответила она.

— Мы все потеряли мать! Но это не даёт ему права видеть в брате исчадие ада и желать нам смерти!

— Он мыслит иначе. Хмельной дурман — лишь трость, на которую он опирается, чтобы не сорваться в безумие. Каждый синяк на вашем теле, каждый ожог на твоей спине — его шаг к той пропасти, за которой он ждёт «истину».

— Ты не можешь этого знать! — выдохнул юноша. — Ты просто плетёшь слова, как паутину, чтобы опутать меня!

— А кто дал клятву на смертном одре матери? Кто поклялся защищать брата — любой ценой, даже ценой собственной жизни? — Её голос стал тише.

Мальчик отшатнулся, будто от удара.

Она медленно распускала косу — тяжёлую, до самого пояса. Прясть за прядью освобождала из тугого плетения, и с каждой прядью пленила его волю, наблюдая, как он увязает.

— Откуда... откуда тебе это известно? — прошептал он.

В тот день в горнице не было ни души — только шёпот утасующей женщины и его собственные слёзы. Эта тайна должна была умереть вместе с ними.

— Я знаю всё. Знаю день и час, когда ты и твой брат испустите последний вздох. Тебе решать, будет ли это завтра или через годы. И никто не протянет вам руку. Ни одна душа в деревне не вступится, ибо...

— ...ибо в чужие семьи не суются. И отец всех запугал. — Голос его стал глухим. Он и сам помнил отцовские слова: «Пожалуешься — будет хуже».

— Горько, когда тебя видят, но делают вид, что не замечают, правда? — она обошла его, подступая вплотную. Дыхание её было ледяным. — «Они же видят шрамы. Чувствуют запах страха. Как они могут не видеть, что ты уже насквозь пропитан болью?» — вот о чём ты думаешь по ночам.

— Спины у многих ребят в рубцах — у кого от работы, у кого от отцовской длани... Мне никто не обещал, что моя жизнь сложится именно так, как я её ожидал.

— Ты умён не по годам. Ты понимаешь, что его ярость — это крик его собственного разбитого сердца. Не твоя вина. Но его гложет страх перед будущим. И этот страх может убить в тебе всё живое. Ты можешь окоченеть изнутри, как он. Не отвергай меня — спасителя, стоящего перед тобой!

— И что ты можешь предложить мне, кроме пустых обещаний? — спросил юноша. В его голосе звучала не детская усталость — измождение.

— Ты всегда жаждал знаний, чтобы обрести твёрдую почву под ногами. Твоё чутьё гложет от сомнений и страха перед последствиями. Я научу тебя слышать шёпот крови и читать знаки на воде.

— Итак... Вот я — живу, страдаю, каждую ночь жду удара по лицу и очередного ожога на спине от кочерги. Я в опасности. В отчаянии. И являешься ты. — Сердце его ныло от тягостных дум. — Почему именно я?

— Не всё можно выложить перед тобой разом — боюсь, рассудок не выдержит. Но я могу поведать тебе одну историю — о любви, что пережила саму Морану¹. Возможно, эта боль проложит мост над пропастью твоего недоверия.

Она опустилась на землю — плавно, будто туман стелется над болотом. Поджала под себя ноги, выпрямила спину, сомкнула руки на коленях — неподвижно, но с жуткой, текучей готовностью. В каждом изгибе её тела читалась змеиная грация: расслабленность, которая в любой миг могла смениться броском. Только взгляд оставался живым — холодный, цепкий, не отпускающий ни на миг. И пальцы — чуть заметно подрагивали, словно она сдерживала боль, которая не проходит даже спустя века.

— В стародавние времена, когда мир был моложе, я полюбила юношу. Он пленил меня трагедией, что прятал за улыбкой, и искренностью любви, какой я не встречала ни до, ни после. Он был мне нужен больше, чем вечность. А потом его не стало. Однажды утром я открыла глаза — и поняла: он ушёл навсегда. В запретное царство, куда мне хода нет. Я осталась здесь — запретный гость в его обители света. Мои рыдания терялись в свисте ветра между мирами. Тень его утраты висела надо мной, точно могильный камень. Я чувствовала его в шелесте листьев, в шуме воды — и убеждала себя, что он ушёл навсегда. Но время не затягивало рану — только сыпало соль. А потом высшие силы покарали меня. Дали обрести его — и снова отняли. Раскололи мою любовь на осколки. Его образ, отпечаток, самую сущность разбросали по всем кругам времени. Теперь я вижу его во сне. Лик — чистый, как утренняя роса. Голос манит — огонёк в стогу сена. Я не могу противиться. Иду за ним — тень, которая не отстанет. Жизнь за жизнью. Век за веком. Я дарю ему благо и достоинство — пусть на день, пусть на миг. Но сердце его теперь принадлежит другой. Всё, что связывало нас, стёрлось из его памяти — как узор с зимнего окна. А я осталась одна. Глею от жажды. Я — та, кто вытирает его слёзы. Кто помогает пережить дожди и грозы. Кто сражается с его страхами. Проходит с ним через горы, тропы, трупы и кровь. Делит боль в темнице. Строит воздушные замки. Помогает свершить месть. Даёт силы победить зло. Так я пытаюсь заглушить свою боль — ту, что ноет вечно, как незаживающая рана. Прошли века. Он всё ещё со мной — в моём сердце. Но я одна в этой

¹ Морана — богиня смерти.

бесконечности. Я стояла в тени, когда его руки держали чужие. Слышала, как он шептал одной: «Мои слова — ядовитый нож. Они принесут боль, страдания и смерть». А она отвечала: «Не важно». Я томила в сладком плену желаний, а до меня доносился его голос — всё тот же: «Этой свечой я освещу твой путь во тьме. Прими мои дары, стань моей суженой». А она отвечала: «Совсем не больно лёд зажать в ладони. Совсем не больно пламя к коже прижать. Ты освободил меня — а я освобожу тебя». Слова звучали так сладко. Я не могла оторваться — падала в пропасть, на дне которой была только зависть. Для меня его двери были заколочены наглухо. А они, словно призраки в тумане веков, стояли у реки и сплетали нить своей судьбы. Я слышала, как он говорил ей: «Ты одна из всех, чья улыбка разгоняет мою печаль». А она шептала в ответ: «Ты один из всех, чей голос мне милее соловьиной песни». И её поцелуй — нежный, как дуновение ветра — дарил ему покой. Я все время вспоминала наш поцелуй. И сотню раз видела, как он целует другую. И в сотый раз она отвечала ему взаимностью. И снова он ей говорит: «Что бы я ни делал — прилив всегда возвращает тебя».

Она медленно провела пальцами по щеке, смахивая слезу.

Её история прожгла его до пепла, оставив только понимание: за безупречным обликом зияла та же бездна, в которую он сам смотрел каждую ночь. Перед ним стояла дева, ставшая зеркалом его собственной боли. И он устал. Устал настолько, что готов был упасть в любые объятия, лишь бы не держаться за обрыв. Она не просила верить — она просто показала, что он не один в своём аду. Этого оказалось достаточно.

Она чувствовала, как её слова ложатся на благодатную почву его израненного сердца, вгрызаются в мягкую плоть его добродетели, прорастают ядовитыми ростками доверия. В её долгой жизни было много таких — заблудших, чьи души походили на тёмные лабиринты. Она не раз вела подобные игры с теми, кто увяз в паутине собственных сомнений.

Она протянула руку. Не для того, чтобы спасти. Чтобы затянуть петлю.

— Подойди. Я тоже возьму своё. Дар требует жертвы.

— Что ты заберёшь? — голос дрогнул.

— Не могу сказать. Таков закон.

— Кто его установил?

— Тот, кто проклинал меня. — В её голосе — тысячелетняя горечь. Неподдельная. Страшная.

— И это справедливо?

— А разве справедливо просить то, что тебе не принадлежит по праву рождения? Разве честно получить то, чего другие лишены? Это и есть высшая справедливость. У желания должна быть цена. И ты должен её осознать. Чтобы не принимать дар как подачку.

— Я узнаю, что потерял, только когда потеряю?

— Возможно.

Она оставила его на краю пропасти — без ответа, без опоры. А в сознании её пронеслось — ясно, холодно, неумолимо:

«Я оскверню твою сущность. Сорву венец невинности с твоей головы. И когда придёт час, ты поймёшь: я забрала самое чистое, что у тебя было».

Юноша замер. Сердце билось — птица в клетке, предчувствующая тьму. Он поднял глаза. В них — страх и надежда.

— Я спасу брата? Он будет жить?

— Он будет жить. — Голос её звучал как приговор. Непререкаемый. Окончательный. — Если не ты убережёшь, то это сделаю я.

— Тогда я согласен.

Слова вырвались вместе с выдохом. Решимость — слепая, отчаянная — смыла всё, что оставалось. Он знал: переступает черту. Но ради света в глазах брата он был готов отдать тьме всё. Даже не понимая, что это «всё».

— И как ты хочешь это сделать? — спросила она. В уголках её губ заиграла тень хищной усмешки.

— Раз ты знаешь всё — укажи путь! — в его голосе звенела мольба, граничащая с безумием.

— Я слышала тебя, Авель. И отвечу, — прошептала она, притягивая его к себе с силой, которой невозможно было сопротивляться. Холод её тела проник сквозь кожу, до самых костей. — Я знаю, как остановить жестокость. Как изгнать зло. Как спасти твоего брата. — Голос её был сладким ядом, а объятия — петлёй, которая уже затягивалась.

Авель не сопротивлялся. Он был ослеплён её красотой — неземной, пугающей, нечеловеческой. Но вопреки всему очарованию, в его сердце не вспыхнуло ни искры любви. Только покорность судьбе.

— В мире, где правят боги и чудовища, я была лишь призраком. Изгнанной. Но теперь я перед тобой — в эту роковую ночь твоего коронования. И я молю о даре. У тебя есть лекарство, которое мне необходимо. Введи его прямо в моё сердце, мой милый Монарх. Я всегда буду рядом с тобой — потому что наша любовь для меня — воздух и жизнь. Пусть я стала изгоем среди сильных мира сего. Пусть этот путь — мой удел. Но с тобой или без тебя — моя верность нашей любви останется неизменной.

Их лбы соприкоснулись — и из её уст истекли синие искры, похожие на слёзы ночных духов. Медленно, неотвратимо они просочились в его уста, оставляя мерцающий след — яркий, как огонь на могильном холме. А потом она поцеловала его. Долго. Глубоко. Так, как целуют того, кого ждали века.

Не размыкая губ, она спустила рубаху с плеч. Кожа — бледная, как лунный свет, — открылась ночи. Она потянула его за собой, на траву, и он подчинился.

Они лежали на земле, и она не отпускала его ни на миг. Пальцы её мягко, но цепко впились в плечи — словно боялись, что он исчезнет.

Он целовал её — губы, щёки, шею, ключицы, спускаясь ниже, туда, где билось сердце. Губы скользили по гладкой, мягкой коже. Тело её, гибкое и маленькое в его объятиях, отвечало дрожью, которую она пыталась скрыть.

Она не вздрагивала, не таяла — только тихо выдыхала, и в этом звуке было столько веков одиночества, что у неё сводило бёдра от его нежности.

Его рука поднималась по её ноге вверх. Он продолжал целовать — всё медленнее, всё бережнее, всё чаще ощущая биение её сердца. Он почти забыл, зачем начал. Этот миг стал важнее всего.

Этот свет должен был вывести его к истине — той, что страшнее любой лжи.

— С первой встречи, от нашей близости и моей любви, что сильнее смерти, осыплются лепестки роз. Я лежу рядом. Прижмусь к тебе. Ты обнимешь мою талию рукой, что дрожит от предчувствия. Целуй меня под холодными звёздами, чтобы я вновь ощутила тот поцелуй, выжженный в моей памяти. Я подарю тебе очи цвета зимнего неба, а в них — знание грядущих бед. И ты явишься на свет, неся в себе частицу чужой, растерзанной души.

Она замолчала. Медленно провела пальцами по щеке, смахивая слезу.

Он смотрел на неё — и не понимал, что страшнее: тоска в её голосе или надежда, которую она ему подарила.

А потом сама прильнула к его губам — медленно, будто в последний раз. Их поцелуй был долгим. Губы на губах. Он принял его, закрыв глаза.

Она чуть отстранилась, но не разорвала контакта. Их щёки соприкоснулись. Она не открывала глаз, боясь спугнуть этот миг, и сделала едва уловимое движение — плавное, почти незаметное. А потом случилось то, после чего звёзды, кажется, стали светить иначе. Она выдохнула, пальцы вцепились в его спину — и расслабились. Всё вокруг затихло. Только их дыхание — сначала рваное, потом ровное. Она почувствовала, как всё внутри наполняется теплом — не

внезапным порывом, а глубокой, тихой волной, что накрыла их обоих. Дыхание стало единым, движения — плавными, почти незаметными.

Они лежали на земле — словно два светила, сошедшие с небес. Их лучи сплетались, мерцали, рождая призрачное сияние, что тянулось к тёмному небу, пытаясь зажечь на нём новые звёзды — оставить новый след.

Глава 1. Охота в лесах Голда

«Ложные перемены — мой путь к судьбе, где удары небес — неизбежный удел. Горькие решения — мой тяжкий крест, где последствия жизни — необратимый след. Мне предстоит выбор, что сердце рвёт, где боль и слёзы — мой горький полёт. Но смерть неизбежна, как звёздный свет, и в этом мой путь, мой последний завет».

Конец лета 1889-го, на закате лес отливает багряным и лиловым, деревья замирают древними идолами. Ни лист не колыхнётся. Чашоба погружается в сумрак, обнажая потаённые секреты — идеальное логово для зла, что зреет и ждёт мига, чтобы вырваться на волю.

Так начинается история о старом зле

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.